

М.А. Колосов

**Заметки о языке и народной
поэзии в области северно-
великоРусского наречия:
отчеты Отделению Русского
языка и словесности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.А. Колосов**
Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великоРусского наречия:
отчеты Отделению Русского языка и словесности / М.А. Колосов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 345 с.

ISBN 978-5-517-95975-1

ISBN 978-5-517-95975-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

каго) опять и. Что сказано объ этихъ двухъ примѣтахъ — относится и къ прочимъ, звуковымъ и формальнымъ. По отношенію къ формамъ говоръ напр. Эстьянъ (новг. у.) уже нѣсколько разнится отъ говора Бронницъ (2 версты разстоянія), а въ Бѣлой Горѣ (близъ лежащее селеніе) опять уже, какъ выражаются мѣстные жители, — «рѣчь отмѣнитая».

На разности говоровъ и перестановку ихъ въ новгородской губ. вліяли различныя причины: 1) колонизація новгородской области жителями другихъ, — сопредѣльныхъ ей, а иногда и отдаленныхъ мѣстностей; 2) насильственное переселеніе крестьянъ волею помѣщиковъ и свободное, по разнымъ причинамъ совершавшееся, передвиженіе населенія; 3) скрещеніе говоровъ, порождавшее новыя особенности; 4) вліяніе одного говора на другіе и вслѣдствіе того ассимиляція нѣсколькихъ съ однимъ какимъ либо; 5) вліяніе городовъ на села и вслѣдствіе того нивелировка языка послѣднихъ.

Въ силу двухъ послѣднихъ причинъ на извѣстномъ пространствѣ могли стереться особенности мѣснаго нарѣчія, сохранившись однако кое гдѣ. Не многія мѣстности, оказавшіяся наиболѣе устойчивыми передъ чуждымъ вліяніемъ, очутились съ теченіемъ времени изолированными. Каждая изъ такихъ мѣстностей, — сохранивъ одна — одинъ, другая — другія черты, — представляетъ собою относительно языка ея населенія нѣчто особенное.

Стремленіе говоровъ подойти подъ одинъ общій уровень замѣчается сильное. Есть мѣстности, въ которыхъ исчезновеніе звуковыхъ особенностей языка совершается, такъ сказать, во очію. Въ одной деревнѣ, гдѣ — какъ мнѣ сказали — ъ смѣняется на и, я говорилъ съ нѣсколькими крестьянами, и только у одной старухи замѣтилъ такое произношеніе. Молодежи казалось уже смѣшнымъ говорить — хлебъ, сѣно и т. п. Въ другой деревнѣ я нашелъ лишь въ нѣкоторыхъ семьяхъ удержавшеюся интересную формальную особенность (см. ниже). Можно бы привести и не одинъ, два, а много примѣровъ того, что особенности говоровъ

видимо исчезаютъ, сохраняясь лишь между стариками, а еще чаще между старухами. Мѣстныя нарѣчія все болѣе и болѣе уравниваются; но процессомъ этого уравниенія, какъ то замѣчено выше, создаются до времени какъ бы новыя діалектическія разности. Исчезновеніемъ нѣкоторыхъ особенностей языка въ однихъ мѣстахъ, нѣкоторыхъ—но иныхъ—въ другихъ, и сохраненіемъ ихъ—въ третьихъ,—дробится прежде цѣльное нарѣчіе или говоръ на части.

Можно поэтому думать, что нѣкогда въ новгородскомъ нарѣчіи было болѣе однообразія. Не принимая въ расчетъ одного изъ упомянутыхъ трехъ признаковъ, именно дзеканья, какъ встрѣчающагося очень рѣдко и, по всей вѣроятности, лишь въ средѣ нетуземцевъ, можно даже признать, что въ былое время языкъ новгородской области представлялъ собою одно цѣлое, не знавшее, по крайней мѣрѣ рѣзкихъ, подраздѣленій. Такъ можно думать потому, что смѣна *ъ* на *и* нѣкогда была, вѣроятно, общою чертою новгородскаго нарѣчія: остатки произношенія *ъ* какъ *и* можно прослѣдить и теперь по всей губерніи: есть такія мѣста, въ которыхъ *и* изъ *ъ* уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ словахъ, смѣнившіеся въ большинствѣ случаевъ на *е*: хлибъ, но—сѣно и т. п. и безъ исключенія по всей губерніи можно слышать *ийсть* = *ѣсть* и *ийздить* = *ѣздить*. Что же касается до мѣны *ц* на *ч*, то эта особенность, я думаю, сравнительно поздняя и коренится въ мягкомъ древне-русскомъ и отчасти современномъ сѣверно-великорусскомъ—*ц*,— о чемъ сказано подробнѣе ниже.

При невозможности охарактеризовать отдѣльные говоры, я ограничиваюсь въ послѣдующемъ сведеніемъ въ систему того, что было мною подмѣчено на пространствѣ всей губерніи, указывая при каждой сообщаемой особенности мѣсто, гдѣ она была мною слышана. Хотя такой пріемъ описанія имѣетъ свой важный недостатокъ, такъ какъ въ немъ исчезаютъ индивидуальности говоровъ, я избралъ его, потому что охарактеризовать полно какой либо говоръ не могу, а расположеніе описанія по уѣздамъ считаю не основательнымъ. Замѣчанія по уѣздамъ,

представленныя Далемъ въ его статьѣ о русскихъ нарѣчіяхъ, могутъ послужить прямымъ предостереженіемъ отъ такого приѣма описаній. Обѣхавъ тѣ уѣзды, о которыхъ говоритъ онъ, я нахожу, что почти ни одна черта, обозначенная имъ, не можетъ быть признана прямо характерною для мѣстности, къ которой она отнесена.

Всѣ нижеприводимыя данныя извлечены мною изъ непосредственнаго ознакомленія съ живою рѣчью народа. Все это—подслушано мною въ бесѣдахъ крестьянъ между ими, или замѣчено при моихъ разговорахъ съ ними. Поэтому, хотя приводимыя данныя и не имѣютъ въ большей части случаевъ характера новизны, — все же онѣ, думаю, не лишены значенія: извлеченныя изъ обыденной рѣчи народа, онѣ являются подтвержденіемъ дѣйствительнаго присутствія въ народномъ языкѣ многихъ изъ тѣхъ чертъ, которыя до сихъ поръ большею частию извлекались изъ намятниковъ народнаго творчества и по преимуществу изъ пѣсень.

Совѣтъ, данный мнѣ Вторымъ Отдѣленіемъ—обратить вниманіе на сказки, я желалъ выполнить тѣмъ болѣе, что и собственнымъ опытомъ убѣдился, какимъ важнымъ пособіемъ для выводовъ по языку могла бы послужить мнѣ сказка. При отсутствіи всякихъ общихъ интересовъ, мои бесѣды съ крестьянами не могли быть продолжительны, ограничиваясь большей частию немногими фразами. Особенности звуковыя еще можно было подмѣчать при такихъ бесѣдахъ, но онѣ почти ровно ничего не могли дать для синтаксиса. Сказка давала бы мнѣ возможность слушать въ теченіи продолжительнаго времени непрерывную рѣчь крестьянина. Я, поэтому, вездѣ выискивалъ сказочниковъ, но — къ сожалѣнію — только въ Бѣлозерскѣ, дня за два, за три до выѣзда изъ губерніи, удалось мнѣ найти человѣка, отъ котораго я могъ выслушать и записать нѣсколько сказокъ¹⁾.

¹⁾ Гораздо легче записать въ народѣ пѣсню чѣмъ сказку. Желаніе выслушать послѣднюю удивляетъ народъ, а желаніе записать ее вызываетъ даже недовѣріе, возбуждаетъ подозрительность. Это первое затрудненіе, на которое

Въ предѣлахъ новгородской губ. я оставался не много болѣе полутора мѣсяца. За это время я объѣхалъ пространство около 1200 верстъ, посѣтивъ, за исключеніемъ Крестцовъ и Тихвина (и ихъ уѣздовъ), всѣ остальные города губерніи и много селъ и деревень, названія которыхъ ниже приводятся. Было бы полезнѣе для дѣла ограничиться меньшимъ числомъ мѣстностей, избравъ для наблюденія немногіе, типичныя по отношенію къ языку, пункты. Но—къ сожалѣнію—я ни отъ кого не могъ получить вѣрныхъ указаній на такія мѣстности ¹⁾.

Въ обозначеніи мѣстностей употреблены нижеслѣдующія сокращенія:

Н. у. Новгородскій уѣздъ:

Нд. Новгородъ.

Т. Тесовщина (общее названіе нѣсколькихъ селъ въ сз. части уѣзда.)

Кс. Кусони.

Л. Люболяды.

Э. Эстьяны.

Бр. Бронницы.

М. Мстанѣ.

Г. Голино.

Ям. Ямощъ.

Ш. Шимское.

Ст. Р. у. Старорусскій уѣздъ:

Ст. Р. Старая Руса.

я наткнулся, выискивая сказки. Второе было въ томъ, что я объѣзжалъ новгородскую губ. въ «страдную» пору, въ пору лѣтнихъ работъ, когда крестьянину—понятно—не до сказокъ. Впрочемъ едва ли и въ другую пору года можно бы рассчитывать на богатую поживу матеріала этого рода: новгородская губ. хранить очень мало сказокъ, какъ меня увѣряли; да и по моимъ личнымъ наблюденіямъ губернія эта бѣдна народно-поэтическими произведеніями вообще.

¹⁾ Указывая на извѣстную мѣстность при обозначеніи извѣстной особенности, я отнюдь не хочу тѣмъ сказать, что особенность эта принадлежитъ исключительно этой мѣстности: указаніе на мѣстность есть лишь обозначеніе того, гдѣ особенность мною замѣчена.

ВЪ ОБЛАСТИ СЪВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРЪЧ

Зв. Звадь.

Кор. Коростыня.

Рам. Рамушево.

Пор. Порусье.

Д. у. Демьянскій уѣздъ:

Д. Демьянскъ.

Зал. Залучье.

В. у. Валдайскій уѣздъ:

В. Валдай.

Крц. Короцкое.

З. Зямогорье.

П. Полосы.

Кгр. Кагрино.

Ед. Едно.

Вл. Вельё.

Б. у. Боровичской уѣздъ:

Брв. Боровичи.

Ор. Орѣхно.

С. Сычево.

Пт. Пѣтухово.

Рк. Рѣчка.

Кр. Красное.

Бх. Бахмарово.

У. у. Устюженскій уѣздъ:

У. Устюжна.

Зас. Залѣсье.

Мр. Мирбо.

Пр. Перя.

Ч. у. Череповскій уѣздъ:

Ч. Череповець.

Дв. Давыдово.

Ен. Енюково.

Ив. Ивановское.

Б. Д. Большая Дора.

Г. Громичиха.

К. у. Кириловскій уѣздъ:

К. Кириловъ.

Ив. Б. Ивановъ Боръ.

Мтв. Матвеевское.

К. в. Казанская волость.

П. в. Петропавловская волость ¹⁾.

Бз. у. Бѣлозерскій уѣздъ.

Бз. Бѣлозерскъ.

Извѣстно, что звуковая система древнихъ языковъ, въ частности старо-славянскаго языка, отличается строгою опредѣленностью, легко въ немъ подмѣтить существующія звуковыя отношенія и объяснить причины звуковыхъ явленій. Тоже можно сказать и о русскомъ языкѣ древнѣйшей поры. Иное дѣло живой, современный нашъ русскій языкъ. Безъ всякаго сомнѣнія и въ немъ есть своя звуковая система, свои звуковыя отношенія, на столько же опредѣленные, какъ и тѣ, какія представляютъ намъ старо-славянскій и древне-русскій языки. Но эти отношенія остаются во многихъ случаяхъ невыясненными, а потому и звуковой строй живаго русскаго языка не представляетъ повидимому выдержанности, опредѣленности явленій. Научное пониманіе этихъ явленій слишкомъ далеко отъ совершенства. Множество проблематическаго характера положеній замѣняетъ въ объясненіи ихъ строго выработанныя истины. Причины, подъ которыя подводятся извѣстныя группы явленій, оказываются нерѣдко несостоятельными въ виду многихъ фактовъ той же категоріи, не подходящихъ подъ выдуманный законъ. Важнѣйшее затрудненіе при обобщеніи явленій живаго языка, мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ: живой языкъ представляетъ всегда болѣе или менѣе діалектическаго разнообразія. И каждый говоръ его есть самостоятельная особь, имѣющая свою особенную жизненную дѣятельность. Я не думаю, чтобы такая особь отъ другихъ, бли-

¹⁾ Въ этихъ двухъ волостяхъ и не былъ.

жайшихъ къ ней, различалась лишь однимъ какимъ либо звуковымъ признакомъ. Одинъ такой признакъ только подмѣченъ, какъ наиболѣе рѣзкій, быющій въ глаза; а ужь если онъ есть, то должны быть, находящіяся съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и другія черты—мелкія, трудно услѣдимыя, но не повторяющіяся въ особяхъ той же группы. Каждый говоръ есть самостоятельный организмъ, проявленія жизненной дѣятельности котораго могутъ стоять въ противорѣчій съ такими же проявленіями нѣкоторыхъ другихъ говоромъ того же нарѣчія. Поэтому, при объясненіи фактовъ даннаго нарѣчія, мы, быть можетъ, нерѣдко сопоставляемъ между собою, такъ сказать, несоизмѣримыя величины. . . . Къ строго научнымъ заключеніямъ, я думаю, скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на пространствѣ цѣлаго нарѣчія. Наблюдатель, поэтому, подмѣчающій только наиболѣе видныя черты говоромъ извѣстнаго нарѣчія, получитъ сумму данныхъ, характеризующихъ это нарѣчіе, но едва ли будетъ въ состояніи дать его особенностямъ прочныя научныя объясненія. Въ положеніи такого наблюдателя нахожусь и я. Многое въ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся здѣсь, остается для меня не яснымъ. . .

Общая отличительная черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ отдѣлѣ *ласныхъ* звуковъ — сохраненіе неударяемаго *о* — выдерживается на пространствѣ всей новгородской губерніи. Даже спорадическихъ случаевъ перехода *о* въ *а* мнѣ не встрѣтилось ¹⁾.

¹⁾ За исключеніемъ двухъ собственныхъ именъ: Расаи, Расейскихъ Эв. Явей В. Последней формы въ другихъ мѣстностяхъ я не встрѣтилъ. Въ В. у. есть нѣсколько акающихъ селъ, тоже въ Ст. Р. у., а можетъ быть и въ другихъ. Жители этихъ селъ выселенцы изъ области южнаго нарѣчія. Ихъ произношеніе на *а* не только не заражаетъ ближайшихъ ихъ сосѣдей, но считается послѣдними смѣшнымъ и страннымъ.

Обратные случаи имѣють мѣсто въ новгородскихъ говорахъ, т. е. неударяемое *a* иногда переходитъ въ *o*:

а) въ началѣ словъ: Офонюшко Ям.

б) въ срединѣ: работникъ Кс. пороход. Ст. Р. довнѣхонько Бз. оспѣривать *ibid.* Въ предлогѣ *раз* при слияннн его съ именами и глаголами я слышалъ постоянно *o*; постоянно же *o* вм. *a* и въ род. п. пр. им.: доброво и т. п.

в) въ концѣ: батюшко, дядюшко У. Бз. и др. мѣста¹⁾.

Ударяемое *a* въ *o* кажется не переходить, по крайней мѣрѣ мнѣ встрѣтился лишь одинъ случай такого перехода, да и то въ иноземномъ словѣ: троур. Нд.

За исключеніемъ *o* звукъ *a* ни съ какимъ другимъ не сближается.

Въ отношеніяхъ звука *o* къ другимъ звукамъ замѣчается смѣшеніе звуковыхъ категорій: въ нѣкоторыхъ словахъ онъ переходитъ въ *y*. Такъ *y* вм. *o* я слышалъ, кромѣ собственнаго имени Русіи Зв. (форма, которая вѣроятно и не предполагаетъ формы—Россія), въ двухъ словахъ: морусит (дождь —) В. и севгуду Бз.²⁾

Въ томъ и другомъ случаѣ измѣнилось *o* неударяемое. Обратнаго явленія я не замѣтилъ.

У иногда переходитъ въ *ы*, но не наоборотъ: бытто (будто) В. слых. *ib.*

Звукъ *e* сближается съ *и* и съ *o*. Въ *и* переходитъ *e* очень рѣдко: жнит. Кс. Слышалъ я эту форму дважды, но отъ одного

¹⁾ Мнѣ говорили, что мѣстами въ Паозерьѣ (такъ называются селенія по берегамъ Ильменя, преимущественно на зап. и южн. берегу его) слышится: батюшки, матушки. Не знаю, на сколько вѣрно такое сообщеніе,—самъ я не слышалъ такихъ формъ, — и не понимаю причинъ явленія, если оно дѣйствительно существуетъ. Во всякомъ случаѣ оно не принадлежитъ къ области фонетическихъ измѣненій.

²⁾ Сближеніе звуковъ *o* и *y* находимъ и въ области южно-великорусскаго нарѣчія: ку(о)ляда Пѣсни Шейна. 26 с. изъ ру(о)ду *ib.* 455. Въ одной рязанской пѣснѣ *o* вм. *y*: ко(у)нью шубу. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ VII. 56. (Можетъ быть послѣдній примѣръ слѣдуетъ объяснять иначе: не понято ли здѣсь слово кунью въ смыслѣ конью)?

лица; тамъ же говорятъ обыкновенно: жнет¹⁾. Форма — на пилицѣ. У., конечно, предполагаетъ — напилсе изъ напилса.

Чаще можно встрѣтить обратный переходъ. Рядъ примѣровъ измѣненія *и* въ *е* въ области свр. нар., извлеченныхъ изъ бывшихъ пѣсенъ, представленъ мною въ статьѣ «Матеріалъ для характеристики сѣверно-великорускаго нарѣчія»²⁾. Случаевъ, подобныхъ отмѣченному тамъ, измѣненія кореннаго *и* на *е* (пер, вехоръ и т. п.) въ новгородскихъ говорахъ я не встрѣтилъ; не разъ однако слышалъ я (все, впрочемъ, въ одной только мѣстности) такой переходъ *и* въ окончаніяхъ:

онѣ Бз.

не ів. какъ небудь ів.

издале ів. вперде ів.

говорѣла ів.

Одинъ изъ этихъ примѣровъ можно объяснять смѣшеніемъ формъ; другой (предпоследній) быть можетъ слѣдуетъ отнести на счетъ особенностей словообразованія; въ остальныхъ, я думаю, нельзя не видѣть фонетическаго явленія³⁾.

Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ Валдаѣ («По борамъ-борикамъ»), встрѣчается форма-бравше (см. приложение). Я не слышалъ подобной формы въ живомъ употребленіи, но вѣроятно она встрѣчается: въ одной изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Новгородскомъ Сборникѣ, — в. III, отд. пѣсень, стр. 9-я, — есть форма тождественная съ приведенной: недостройше (пѣсня записана въ Эстьянахъ)¹⁾.

¹⁾ Въ русской волости Н. у. можно, какъ мнѣ говорили, слышать: пойдимте.

²⁾ Варшавск. Унив. Извѣстія 1874 г.

³⁾ Приведенные мною въ упомянутой статьѣ примѣры перехода *и* въ *е* можно пополнить многими другими примѣрами, доказывающими несомнѣнное существованіе этого фонетическаго явленія въ различныхъ мѣстностяхъ живаго русскаго языка. См. въ Сборникѣ Шейна стр. 35, 58, 147, 531, 551, 560 и у Кирѣвскаго в. II с. 35, в. IV. с. 74, в. V. с. 4., в. X. с. 87 и 113. Иноземныя имена на *ир* по всей Россіи мѣняють *и* на *е*: квартера (Ср. бригадерушка, командиры. Кир. X. 113).

¹⁾ Упомянутая пѣсня: «По борамъ-борикамъ» напечатана въ брошюрѣ Те-

Въ виду сказаннаго, признаю несомнѣннымъ, что въ современномъ великорусскомъ языкѣ конечно и иногда мѣняется на *e*; не вижу, поэтому, причины отрицать такую смѣну и для древнерусскаго.

Начальное *e* иногда смѣняется на *o*, какъ въ древнерусскомъ: още У.

Обратное явленіе есть уже результатъ перегласованія. Говоря о древностяхъ языка Паозерья, нѣкоторыя лица въ Новгородѣ увѣряли меня, что мѣстами тамъ можно слышать слово озеро въ древней формѣ *изеро*. Тамъ, гдѣ я былъ въ Паозерьѣ (Ям., Кор., Зв.), такой формы нѣтъ. Считаю однако вполне возможнымъ, что форма *изеро* мѣстами существуетъ; но безъ всякаго сомнѣнія она не остатокъ доисторической древности, а очень позднее явленіе, предполагающее между собой и озеро посредствующую форму *йозеро*¹⁾. Это явленіе того же рода, что встрѣчающееся мѣстами въ свр. енъ, ены изъ онъ, оны — черезъ йонъ, йоны²⁾.

Въ срединѣ словъ *e* на *o* мѣняется часто, всегда оставляя свой слѣдъ на мягкости предъидущаго согласнаго звука³⁾.

рюхина «Городъ Валдай». Спб. 1874. Форма бравши напечатана съ *и*, но за то смѣну *и* на *e* находимъ въ словахъ: ягодке (*и*), будите (*н. н.*), знобите (*н. н.*). Пѣсня видимо была записана очень дурно: *вм. пріуснула* — въ ней читаемъ *брюснула*, *вм. шибнул* — *шубнул*, *вм. батажкомъ* — *батачкой*, — рядъ безмыслиць; можно бы не довѣрять поэтому и указаннымъ, въ ней находящимся звуковымъ особенностямъ пѣсни; но, что онѣ въ языкѣ возможны и дѣйствительны, доказывается другими свидѣтельствами: въ Сборн. Шейна въ одной изъ пѣсень Псковской губ. трижды встрѣчается форма *веопр. накл. на те* *вм. ми:* *скопите*, *купите*, *несите*. Ср. съ этимъ: *грабите* (*н. я.*) во Вр. Нест. Ип. списка и *узате* въ Грамотѣ 1229 г. То объясненіе, которое я далъ этимъ формамъ въ своемъ Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. (с. 91 и 152), считаю и теперь совершенно вѣрнымъ.

¹⁾ Такія переходныя формы мѣстами существуютъ. Въ Выкенискомъ приходѣ Чер. у. говорится, напр.: *йодин* = *один* (Повг. Сб. V. 39). Возможно, что изъ этой формы со временемъ образуется тождественная съ старо-слав. *ѹдинъ*. Такая форма, впрочемъ, мѣстами въ русскомъ языкѣ и теперь есть: въ Симб. губ., какъ видно изъ пѣсень Кирѣнскаго, можно слышать: *една* (Кир. в. I, с. 6).

²⁾ При формѣ *изеро* слышится, какъ говорили *миѣ*, и *лезеро*. Это *и* есть, конечно, видоизмѣненіе *йота*.

³⁾ Такъ для устраненія сбивчивости въ выраженіи обозначилъ я то явленіе,